

РАЗДЕЛ 4. КОНФЛИКТ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ: ИДЕНТИЧНОСТИ И КУЛЬТУРА ЭЛИТ И НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ

Гурченко А. И.

Белорусский государственный университет культуры и искусств, Минск

Gurchenko A. I.

Belarusian State University of Culture and Arts, Republic of Belarus, Minsk

УДК 398(4)(091)+7.031.2(4)

ОСМЫСЛЕНИЕ ФОЛЬКЛОРА В ИСТОРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ «ДОЛГОГО XIX ВЕКА»

COMPREHENSION OF FOLKLORE IN THE HISTORY OF ARTISTIC CULTURE «LONG XIX CENTURY»

В статье анализируется специфика «долгого XIX века» как исторического периода в истории осмысления фольклора, который начался зарождением интереса к традиционной народной культуре на волне идей предромантизма и закончился в преддверии формирования советской эстетики с ее отношением к фольклору, определившей развитие данного художественного явления на долгие десятилетия вперед.

Ключевые слова: осмысление фольклора; история художественной культуры.

The article analyses specific features of the «Long 19th century» as a historical period in the history of folklore comprehension, which began with the emergence of interest in traditional folk culture on the wave of pre-romantic ideas and ended on the threshold of the formation of soviet aesthetics with its attitude to folklore that determined the development of this artistic phenomenon for many decades forward.

Keywords: comprehension of folklore; history of artistic culture.

Нестабильный, противоречивый и перенасыщенный всевозможными конфликтами современный мир побуждает к поиску и осмыслению социокультурных механизмов, благодаря которым возможно хотя бы частично преодолеть, нивелировать напряженность актуальной ситуации. Одним из такого рода регуляторов может выступить феномен традиционной народной культуры. Более того, востребованность и злободневность вопросов, связанных с осмыслением фольклора, во многом обусловлены той миссией, которую выполняет наследие наших предков в современной культуре, а именно обеспечение межпоколенной преемственности, сохранение социокультурной стабильности, формирование и укрепление национального самосознания. В этой связи актуальным является обращение к вопросам осмысления фольклора в разные исторические периоды развития общества.

Особый научный и общественный интерес к традиционному народному творчеству в художественной культуре Европы проявлялся во второй половине XVIII в. В научной литературе данного исторического периода в указанном контексте использовались категории «народное» и

«национальное», которые понимались как тождественные. Что же касается термина «фольклор» (от англ. *folk-lore* – народная мудрость), то в научный оборот он был введен английским археологом У. Д. Томсом лишь в 1846 г.

Впервые теоретическая разработка концепции народности искусства была предпринята предромантиками (Дж. Вико, И. Г. Гаман, И. Г. Гердер, В. фон Гумбольд и др.), которые выдвинули идею создания новой национальной культуры. Аристократическому искусству с его ложной возвышенностью представители предромантизма противопоставили правду простых человеческих переживаний, отражение которых они находили в понятной массам традиционной народной культуре. Носителями национального они видели народ, жизнь которого (история, обычаи, нравы, язык) трактовали как источник и цель искусства. Так, немецкий философ и член литературного движения «Буря и натиск» И. Г. Гердер рассматривал фольклор как основу интеллектуальности и духовности человека, как фундамент национальной культуры. И. Г. Гердер был одним из первых, кто попытался обосновать значение народа и традиционного народного творчества

в процессе развития искусства. Учение философа о «духе народа», который и является критерием ценности искусства, находится у истоков фольклористики как науки. И. Г. Гердер был страстным пропагандистом и собирателем фольклора. Собственным примером он призывал современников изучать и бережно относиться к традиционному народному творчеству. В этой связи нельзя не отметить сборник «Голоса народов в песнях» (1778–1779 гг.), в котором наряду с обработками текстов песен разных народов И. Г. Гердером были включены авторские поэтические произведения, в чем современные исследователи видят заявленную автором сборника идею о неразрывной связи народного творчества и «высокого» академического искусства [1]. Также нельзя не отметить тот факт, что именно И. Г. Гердером было введено в оборот понятие «народная песня», сущность которого им еще не была четко определена. В своих работах мыслитель трактовал его по-разному – как отражение народного характера, как сферу традиционного народного творчества, как памятник средневековой культуры и т. д. Нельзя также не подчеркнуть, что взгляды философа оказали колоссальное влияние на идеи европейских и русских мыслителей относительно осмысления фольклора как явления культуры.

Вопросы народного в искусстве поднимались и русскими предромантиками, мировоззренческая основа которых строилась на активизации национального самосознания и патриотических настроений, стремлении осознать особенность национальной жизни и познать сущность славяно-русской духовности. Так, понятие «духа народного» как «привязанности к нашему особенному» было введено в работах Н. Карамзина, в чем современные исследователи видят аналогию его значения для русской науки и культуры с ролью И. Г. Гердера в немецкой философии и литературе [2]. Более того, И. Г. Гердер, по меткому замечанию Е. Жуковой, довольно органично сочетавший в себе талант философа и религиозного мыслителя, поэта и историка культуры, этнографа и фольклориста, помимо Н. Карамзина оказал большое влияние на многих русских мыслителей данного исторического периода (М. Державина, А. Радищева и др.) [3].

Предромантики декларировали особый тип отношения к миру, а именно осознание действительности с точки зрения историзма, социальности, народности и национальной самобытности. Именно ими был стимулирован интерес общественности к национальной истории, мифологии и фольклору. Так, ко второй половине XVIII в. относятся публикации первых опытов описания и изучения русской традиционной народной культуры. Как подчеркивает Ю. Келдыш, начи-

ная с 1760-х гг. на страницах популярных журналов и альманахов, рассчитанных на массового читателя, начали публиковаться тексты русских народных песен, сказок, пословиц и поговорок [4, с. 219]. Кроме того, большой популярностью у читателей пользовались первые сборники русских народных песен (М. Чулкова, В. Трутовского и др.). Однако, как подчеркивает Ю. Келдыш, публикации данного периода в полной мере не отражали специфику русской традиционной народной культуры в связи с тем, что материалы были представлены в обработке, и их фиксация велась не от аутентичных исполнителей, а из «вторых рук». Что же касается изучения фольклора непосредственно из уст носителей традиции, то данный метод исследования станет характерен лишь для середины XIX в.

В этой связи нельзя не отметить публикацию русских народных песен Н. Львова в гармонизации И. Прача «Собрание народных песен с их голосами» (1790 г.). Этот сборник по праву считается изданием, которое дало толчок зарождению русской фольклористики как науки. Но, не смотря на значимость данной публикации, которая еще при жизни автора претерпела не одно переиздание, нельзя не подчеркнуть, что материалы в нем представлены не в аутентичном виде, а в обработке и гармонизации, рассчитанной, по всей видимости, на клавирное сопровождение и предназначенной для городского домашнего музицирования [4, с. 246, 250].

Концепция народности искусства была развита в идеях романтиков, которые, разочаровавшись в настоящем, видели свою духовную опору в прошлом. Особый интерес к прошлому объяснялся романтиками тем, что в их понимании личность может чувствовать себя уверенной только в том случае, если она ощутит себя частью народного целого или продолжительного исторического процесса. Романтики обосновали принцип историзма в искусстве, предполагающий восприятие мира в движении, в развитии. Согласно данному принципу, внимание романтиков было сосредоточено на национальном прошлом, национальной истории, укладе жизни.

Вкус к экзотике, под которой понималась любая культура, не совпадавшая с господствовавшими в XVII–XVIII вв. представлениями об античной классике, стал характерной чертой романтизма [5]. В этой связи едва ли не самым экзотичным романтикам виделось собственное прошлое, а именно традиционная народная культура. Фольклор для романтиков стал основой национального колорита, без которого они искусство не представляли. Главным признаком истинного искусства они называли народность. В их понимании народ воплощал нетронутую добродетель,

а язык, сказки, песни, обычаи осознавались как правдивое выражение его души.

Под воздействием идей романтизма в европейских странах возник большой общественный интерес к национальному фольклору, который привел к активизации собирательской и исследовательской деятельности. Так, в редакции немецких поэтов и членов кружка романтиков из Гейдельберга А. Арнима и К. Брентано в 1805 г. был подготовлен и позднее издан сборник текстов песен «Волшебный рог мальчика. Старинные немецкие пени», который включал как обработки текстов немецких народных песен, так и авторские поэтические произведения. Более 700 собранных текстов были художественно обработаны авторами сборника: тексты приобрели завершенность, была отредактирована их стилистика и т. д. Вскоре идея А. Арнима и К. Брентано нашла свое продолжение в публикации авторских обработок немецких народных сказок братьями А. и В. Гримм (большой популярностью пользовались сборники «Детские и домашние сказки» (1812 г.) и «Немецкие сказания» (1816 г.)). Сборники включают обработки традиционных народных немецких сказок, собранных А. и В. Гримм, тексты сказок из уже опубликованных другими авторами сборников и, собственно, стилизованные под народные авторские сказки братьев А. и В. Гримм.

У русских романтиков концепция народности предполагала особое внимание ко всем проявлениям национальной самобытности (истории, характеру, быту, фольклору, языку) и понимание каждой нации как носителя некоей идеи в истории всего человечества. Идеологи русского романтизма разрабатывали предложенную еще И. Г. Гердером идею национального как индивидуального и оригинального. Вместе с тем, соглашаясь с тезисом о трансформируемости эстетических вкусов под воздействием внешних факторов, они не поддерживали выдвинутую им идею о необходимости подражания тем или иным исключительным образцам (например, античным) и отстаивали положение о приоритете обращения к национальному и самобытному. Как справедливо отмечает российский исследователь Т. Кузнецова, для взглядов русских мыслителей-романтиков еще на этапе становления стали характерны особые мотивы, которые в дальнейшем развились вне рамок романтического движения. Речь идет о критическом отношении к ценности основ европейской жизни, в результате которого возник особый интерес к духовности и специфике собственного национального бытия [6]. Более того, автор убедительно доказывает, что выражающие национальное своеобразие культуры категории «дух народа» и «национальный характер» ста-

ли трактоваться русскими романтиками с ярко выраженной социальной конкретизацией. Так, в отличие от немецких романтиков, для которых в построении собственной теории факт расслоения общества не являлся определяющим, русские мыслители 1820–1830-х гг. хранителями национальной идеи видели простой народ. В результате сформулированная русскими романтиками национальная идея, олицетворением которой являлись низшие, непривилегированные слои населения, найдет свое продолжение в позиционировании традиционной народной культуры в рамках советской эстетики. Так, на долгие десятилетия именно фольклор как устное народное творчество крестьянской среды станет основным символом национальной идеи в республиках Советского Союза. Уже с момента основания молодое государство станет выделять немалые финансовые средства для изучения фольклора, а также пропаганды и развития на его основе профессионального и любительского творчества. Данная установка в культурной политике СССР будет преследовать четкую и определенную цель, а именно «показ преимущества социалистического строя над капиталистическим в разных областях жизни общества, в том числе и в области народного творчества, на примере которого наглядно демонстрировалось, что впервые в мире в Советском Союзе фольклор был выведен на уровень искусства» [6, с. 172].

На русской почве целостная теория народности впервые была разработана в трудах В. Белинского, одного из самых авторитетных представителей идейно-литературного движения 1830–1840-х гг. Размышляя о сущности самобытности каждого народа, мыслитель выделял важные по отношению к идентификации этноса элементы (обычай и язык), разрушение которых неизбежно влечет за собой уничтожение самого народа. Тем не менее, в его понимании «народность» не должна предполагать ориентацию на нравы и обычаи только простого народа («черни», «низов»), так как они не являются единственными носителями духа русского народа. Таким было отношение к проблеме народности В. Белинского как приверженца западнического крыла русской общественной мысли.

Интерес к фольклору был характерен и для течения славянофилов, которое возникло на фоне подъема национального самосознания после победы над Наполеоном. Представители данного направления философской и общественной мысли первой половины XIX в. (братья Н. и К. Аксаковы и П. и И. Киреевские, А. Кошелев, А. Хомяков и др.) позиционировали себя как сторонников национальной самобытности русского народа. Находясь под влиянием идей европейско-

го романтизма, славянофилы призывали изучать жизнь простого народа (язык, обычаи, обряды и т. д.). Так, выходец из среды славянофилов и брат одного из теоретиков данного течения И. Кириевского П. Кириевский собирал и публиковал тексты русских народных песен.

В 1840-е гг. в России активизировался процесс изучения и сбора материалов о традиционной народной культуре, чему в значительной степени способствовала организация ряда научных обществ, ориентированных на решение данной задачи. Речь идет об Императорском Русском географическом обществе и основанном в недрах Московского университета Императорском Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии, которые сформировали необходимую теоритическую базу для изучения фольклора и осуществили полномасштабную работу по созданию фонда материалов о традиционном народном творчестве. Экспедиционная деятельность данных обществ проводилась в разных регионах страны, результаты которой широко освещались в периодической печати («Этнографический сборник» и другие издания).

В период 1850–1880-е гг. вышли из печати материалы, касающиеся разных фольклорных жанров: сборники песенного фольклора П. Киреевского, П. Рыбникова, П. Шейна, П. Якушкина, сборники поэтического фольклора А. Афанасьева, Е. Барсова, А. Гильфердинга, В. Даля, Д. Садовникова и др. Не преуменьшая значения данных публикаций, нельзя не отметить и некоторую специфику, которая была характерна для исследований периода зарождения фольклористики как науки. Так, что касается музыкального фольклора, то часть изданных сборников содержит лишь поэтические тексты песен. В некоторых изданиях представлены расшифровки напевов песен, однако сами поэтические тексты изложены фрагментарно (одна музыкально-поэтическая строфа). Что же касается, в принципе, всех сборников, включающих напевы народных песен, то в них фольклорные первоисточники представлены не в аутентичном, а адаптированном виде. Более того, зачастую музыкальный текст обработок мелодий народных песен гармонизирован (чаще всего для фортепиано).

Говоря об осмыслении фольклора в рамках анализируемого периода, нельзя не отметить то, что прогрессивной интеллигенцией, в числе которых были ученые, исследователи-любители и композиторы, фольклор изучался как непосредственно от носителей традиции, так и от знатоков народной культуры. Более того, многие из «ходивших в народ» сами были выходцами из этой среды или близки ей, поэтому хорошо знали данный пласт культуры. Так, композиторами

Н. Римским-Корсаковым, М. Балакиревым и др. на разных этапах профессиональной деятельности велась работа по фиксации и расшифровке русских традиционных народных песен. К слову, нельзя не отметить, что для современной художественной практики такая тенденция не характерна в виду того, что естественная среда бытования фольклора практически исчезла, а если в сельской традиции она и представлена, то зачастую лишь фрагментарно или в рамках так называемых «вторичных форм бытования фольклора» (любительского творчества). В связи с этим современные практики (композиторы, исполнители) традиционное народное творчество вынуждены изучать опосредованно на материалах уже проведенных теоретических исследований.

На волне романтизма, который захлестнул Европу в первой половине XIX в., интерес к фольклору был характерен и для территории Беларуси. Однако не менее значимым стимулирующим фактором явились кардинальные социально-политические изменения рубежа XVIII–XIX вв., связанные с результатами разделов Речи Посполитой и включением белорусских земель в состав Российской империи. В этой связи отечественный исследователь О. Дадиомова подчеркивает, что, несмотря на стремление российских властей к унификации и установлению на данной территории единого с российским социокультурного пространства, в среде интеллигенции возникли «новые силы, направленные на разработку собственно белорусской идеи и ориентаций, чему в значительной степени способствовала активизация сбора и осмысления белорусского фольклора как воплощение общей для славянской культуры тенденции сближения с народной средой, «движение в народ» [7, с. 169].

Специфика осмысления традиционной народной культуры белорусов в анализируемый период была обусловлена, в том числе, и тем, что ее изучением занимались исследователи разных областей научного знания, первооткрывателями среди которых были историки и этнографы. В этой связи нельзя не отметить, что их работы в большей степени носили описательный характер. Более того, географическое расположение Беларуси явилось причиной активного обращения к исследованию традиционной культуры белорусов не только отечественных исследователей, но и российских и польских авторов. В результате уже в первой половине XIX в. в работах этнографов и историков стали появляться ценные сведения о специфике материальной культуры белорусов. Так, книга Л. Голембевского «Люди польский. Его обычаи, суеверия» включает иллюстрации народных строев одежды разных местностей на терри-

тории Беларуси [8], а крупная этнографическая работа Е. Тышкевича «Описание Борисовского повета...» содержит материалы о традиционной народной одежде [9].

Были опубликованы первые исследования музыкального инструментария как элемента материальной культуры. Так, в работе А. Рыпинского «Bialoś» рассмотрена специфика изготовления и звучания скрипки и пастушеской пищалки (пасвирели) в Подвинье, а также роль дударя в свадебном обряде данного региона [10]. Описание конструкции, способов игры и специфики бытования дуды представлены в статье Н. Анимелле «Быт белорусских крестьян» [11]. В исследовании А. Грузинского рассматривается быт профессиональных нищих-старцев, репертуар и их музыкальный инструмент – колеская лира [12]. Ценные сведения об использовании в обрядах белорусов традиционных народных инструментов представлены в работах П. Шейна [13].

Во второй половине XIX в., как справедливо подчеркивает О. Дудинова, «движение по исследованию белорусского народного творчества официально, на государственном уровне, было инициировано как российскими властями, которые были заинтересованы в этнографических исследованиях и освоении фольклорного наследия присоединенных к России белорусских земель, так и западными соседями, которые стремились утвердить прежние приоритеты» [7, с. 169]. Так, уже несколько позднее, в 1910–1912 гг., в рамках деятельности Юго-Западного отделения упомянутого в данной статье Русского географического общества, И. Сербовым, Е. Романовым и Н. Чуркиным были проведены экспедиции по разным регионам территории Беларуси. Собранные материалы хранятся в библиотеке Вильнюсского университета, часть из которых в 1970–1990-е гг. была опубликована в многотомном издании Института искусствоведения, этнографии и фольклора Академии наук Белорусской ССР «Белорусское народное творчество».

Фольклористы и этнографы начали целенаправленную работу по сбору белорусских традиционных народных музыкальных инструментов,

которые в последствии вошли в коллекции музеев Беларуси и России. Более того, белорусские инструменты составили экспозиции ряда крупных выставок, среди которых Первая всероссийская географическая выставка (Москва, 1893 г.). Как подчеркивает И. Назина, многие коллекции белорусских музыкальных инструментов после экспонирования в Беларусь возвращены не были, а переданы в крупные музеи на территории России [14]. В этой связи ценные сведения о инструментарии белорусов приведены в каталоге А. Маслова, включающем изображения и некоторые технические характеристики отдельных белорусских традиционных народных инструментов, находящихся в Дашковском этнографическом музее [15].

Анализируя процесс формирования общественного и научного интереса к традиционному наследию белорусов во второй половине XIX в., белорусский исследователь О. Лобачевская справедливо отметила, что на данный процесс значительное влияние оказали выставки, на которых экспонировался, в том числе, и белорусский народный текстиль (Всероссийская этнографическая (1867 г.) и антропологическая (1879 г.) выставки в Москве) [16, с. 17]. Автор также обратила внимание на то, что важным этапом в становлении белорусской общественной мысли и публицистики, посвященной этническим художественным традициям, явились статьи первой национальной газеты «Наша ніва» (1908–1914 гг.), в которых были размещены материалы, касающиеся традиционного народного творчества, а также отзывы об уже состоявшихся выставках.

Таким образом, «долгий XIX век» явился важным периодом в истории осмысления фольклора как яркого и самобытного явления культуры. Общественный и научный интерес к изучению фольклора стал устойчивой тенденцией, которая имела свои особенности в каждой стране. В результате совместными усилиями была заложена теоритическая основа для изучения фольклора и осуществлена большая работа по созданию фонда материалов о традиционном народном творчестве разных народов.

Список использованных источников

1. Иванова, Л. П. Типология фольклоризма в русской музыке XX в.: дис. ... докт. искусствоведения: 17.00.02 / Л. П. Иванова. – СПб., 2005. – 305 с.
2. Кузнецова, Т. В. Народность искусства как проблема эстетической мысли : дис. ... докт. филос. наук: 09.00.04 / Т. В. Кузнецова. – М., 1999. – 288 с.
3. Жукова, Е. П. Гердер и философско-культурологическая мысль в России: дис. ... канд. культурологии: 24.00.04 / Е. П. Жукова. – М., 2000. – 238 с.
4. Келдыш, Ю. В. Записи и изучение народной песни / Ю. В. Келдыш // История русской музыки : в 10 т. – М.: Музыка, 1984. – Т. 2.: ч. 1. – С. 216–255.
5. Федотова, Л. В. Фольклор как художественный и духовно-философский феномен эстетических исканий поэтов-романтиков: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.01.09 / Л. В. Федотова. – Майкоп, 2008. – 53 с.

6. Гурченко, А. И. Фольклор в концертно-сценической практике Беларуси / А. И. Гурченко // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2015. – Вып. 3(9). – С. 171–179.
7. Дадзіёмава, В. У. Гісторыя музычнай культуры Беларусі да XX стагоддзя / В. У. Дадзіёмава. – Мінск: Беларуская дзяржаўная акадэмія музыкі, 2012. – 230 с.
8. Gołębjowski, Ł. Lud Polski. Jego zwyczaje, zabobony / Ł. Gołębjowski. – Warszawa: Druk. A. Gałęzowskiego I Spółki, 1830. – 328 st.
9. Tyskiewicz, E. Opisanie powiatu Borysowskiego pod względem statystycznym, geognostycznym, historycznym, gospodarczym, przemysłowo-handlowym i lekarskim / E. Tyskiewicz. – Wilno: Druk. A. Marcinowskiego, 1847. – 446 s.
10. Rypiński, A. Białoruś: kilka słów o poezji prostego ludu tej naszej polskiej prowincji; o jego muzyce, śpiewie, tańcach, etc. / A. Rypiński. – Paryż: W księgotłoczni J. Marylskiego, 1840. – 232 s.
11. Анимелле, Н. Быт белорусских крестьян / Н. Анимелле // Этнографическое обозрение. – 1854. – Вып. 2. – С. 111–268.
12. Грузинский, А. Е. Из этнографических наблюдений в Речицком уезде Минской губернии / А. Е. Грузинский // Этнографическое обозрение. – 1891. – № 4. – С. 142–156.
13. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края: [в 3 т.] / собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. – СПб.: Тип. Император. акад. наук, 1902. – Т.3. – 535 с.
14. Назина, И. Д. Этноинструментоведение как специальная дисциплина / И. Д. Назина // Белорусская этномузыкология: очерки истории (XIX–XX вв.) / З. Можейко [и др.]; под ред. З. Можейко. – Минск: Тэхналогія, 1997. – С. 199–234.
15. Маслов, А. Л. Иллюстрированное описание музыкальных инструментов, хранящихся в Дашковском этнографическом музее в г. Москве / А. Л. Маслов // Труды музыкально-этнографической комиссии, состоящей при этнографическом отделе Императорского Общества Любителей Естественного знания, Антропологии и Этнографии. – М., 1911. – Т. II. – С. 248–250.
16. Лобачевская, О. А. Белорусский народный текстиль: традиции и художественные новации в XX веке: дис. ... докт. искусствоведения: 17.00.09 / О. А. Лобачевская. – Минск, 2014. – 286 л.

Дата поступления: 27.09.2018.

Дудчик А. Ю.
Белорусский государственный университет, Минск

Dudchik A.
Belarusian State University, Minsk

УДК 1(091)(4/9);1(091)

ТРАНСФЕР ЕВРОПЕЙСКИХ ИДЕЙ КАК ФАКТОР ДИНАМИКИ БЕЛОРУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ В «ДОЛГОМ XIX ВЕКЕ»

TRANSFER OF EUROPEAN IDEAS AS A FACTOR OF BELARUSIAN PHILOSOPHY'S DEVELOPMENT IN THE 'LONG 19TH CENTURY'

В статье представлен анализ развития философской мысли Беларуси в «долгом XIX веке» в контексте влияния на этот процесс идей европейской философской традиции. Реконструированы основные особенности модели культурного трансфера и обоснована эвристическая значимость ее использования для изучения философской традиции Беларуси. Осуществлена экспликация содержания, направления и основных механизмов и стратегий трансфера философских идей в белорусском интеллектуальном пространстве XIX в.

Ключевые слова: белорусская философия XIX века; европейская философия; немецкая философия; трансфер идей; культурный трансфер.

The article analyzes development of Belarusian philosophy in the context of ideas of European philosophy influence. The main peculiarities of the cultural transfer model are reconstructed and its heuristic value for study of Belarusian intellectual culture is proved. Main content, directions, mechanisms and strategies of philosophical ideas transfer in Belarusian culture are explicated.

Keywords: Belarusian philosophy in 19th century; European philosophy; German philosophy; transfer of ideas; cultural transfer.

Вопросы, связанные с развитием национального философского знания, по праву находятся в центре внимания белорусского философского

сообщества. Они активно обсуждались в рамках Первого белорусского философского конгресса [1], а также специализированных про-